

Когда принесли новый стакан, Сюй Таньчэнь ополоснул его, наполнил водой и передал И Чжэ. Затем из-за нахлынувших воспоминаний он отключился на некоторое время.

За трапезой И Чжэ вел себя очень тихо. Не то чтобы парень совсем не шумел, скорее, он больше молчал. Сюй Таньчэнь иногда спрашивал его: «Острое блюдо?» или «Хочешь пить?», но тот отвечал очень кратко, одним-двумя словами, кивком или покачиванием головы, и так до тех пор, пока Сюй Таньчэнь не заговорил о самостоятельном поступлении в университет и не спросил его о результатах учебы.

— На последнем экзамене я занял 109-е место на потоке.

Когда Сюй Таньчэнь, услышав его рейтинг, был весьма удивлен. Результаты И Чжэ оказались намного лучше, чем он ожидал.

— А как насчет твоего общего балла?

— 607.

Город С был городом уездного уровня. Даже если это средняя школа № 1, в целом качество преподавания там было не очень высоким. Между тем, провинция В была «главной провинцией гаокао». Там было много кандидатов на сдачу экзаменов, и их оценки были высокими. Для сравнения с остальной провинцией, год, когда он занял первое место на экзаменах, был не слишком удачным, но его общий балл имел некоторое значение. Сюй Таньчэнь взял в руки палочки и задумался, помогая И Чжэ анализировать.

— С таким результатом, если ты хочешь поступить в университет в Шанхае, это возможно. Но ты не сможешь поступить в престижный университет. Можешь рассмотреть возможность подачи документов через независимую приемную комиссию. У № 1 есть квота на рекомендации студентов, или ты можешь подать заявление самостоятельно. Если хочешь попробовать, я могу помочь тебе подготовить материалы.

Но И Чжэ покачал головой.

От лапши, висящей на палочках, поднимался пар, разделяющий их двоих.

— Я не буду принимать в этом участие. — Сказав это, парень положил палочки, достал салфетку и вытер рот, после чего объяснил. — Однажды я подрался, и это было занесено в мое личное дело. Нет смысла подавать заявление.

И Чжэ говорил безразличным тоном, но Сюй Таньчэнь не почувствовал спокойствия, услышав это, он даже почувствовал, что у него немного болит голова. И теперь, когда дело дошло до этого, ему не нужно говорить мотивирующие слова вроде «Если ты знал, что это случится, почему ты сделал это тогда». Он лишь думал о том, повлияет ли этот инцидент на поступление

И Чжэ.

— Это было отмечено в твоём личном деле?

И Чжэ покачал головой и сказал, что точно не знает.

— Если бы это было записано в твоём личном деле, было бы довольно хлопотно, потому что твоё дело всегда будет следовать за тобой. — Сказав это, Сюй Таньчэнь почувствовал, что все не так уж плохо. Поскольку это была школа в маленьком городе, классные руководители не очень строго следовали правилам. Даже если бы они сказали, что этот факт зафиксирован, они не обязательно записали бы его в личное дело ученика.

— Почему бы тебе не спросить у своего классного руководителя, как обстоят дела? Проверь и узнай, сколько оценок они вычитают, и есть ли способ сделать это менее строгим.

И Чжэ посмотрел на него в ответ. После некоторого молчания он все же покачал головой.

— Это было очень давно. В то время у человека, которого я избил, отец работал в отделе образования. Вину полностью переложили на меня. С этим ничего не поделаешь.

Как только Сюй Таньчэнь услышал эти слова, он понял ситуацию. С одной стороны был «инсайдер» с влиятельным прошлым, с другой — проблемный ученик, родители которого не приходили в школу, когда их просили об этом. Как говорится, если бы один хотел подставить другого, то он не беспокоился бы о том, кто именно виноват. Более того, речь шла лишь о том, чтобы определить причину инцидента и возложить вину. И Чжэ по-прежнему поглощал свою лапшу, словно его нисколько не волновал этот вопрос, а также его не волновало собственное будущее.

Сюй Таньчэнь вздохнул. Он помешивал лапшу в своей миске и переживал за И Чжэ, в то время как виновник этих переживаний поторапливал его.

— Ешь быстрее, не дай ей остыть.

После того, как они закончили есть, Сюй Таньчэнь сказал, что хочет взять такси до дома дяди, но И Чжэ заявил, что довезет его туда. Вспоминая дорогу до лапшичной, Сюй Танчэнь мог припомнить только то, что путь был ухабистый. Молодой человек смотрел на велосипед и долго молчал. Наконец, он сдался под силой горящего взгляда подростка.

— Хорошо.

Дорога была темнее, чем до этого. Когда они свернули на небольшую улочку, фонари над их головами окрасились в тускло-желтый цвет — эффект Тиндалла создавал лучи света, которые тихо светились в крошечной тьме ночного неба. Прошло много времени с тех пор, как Сюй

Таньчэнь в последний раз ночью проходил по этой улице. Он поднял голову, огляделся и сказал с улыбкой:

— Фонари на этой улице еще те же.

И Чжэ не понял.

— Что именно?

— Раньше, когда я катался на велосипеде, каждый день ездил по этой улице домой. Не знаю, как сейчас, но тогда это место было почти пустое, и атмосфера приятная. Я всегда натыкался на две пары. Одна пара была на восточной стороне, а другая — на западной. Как будто они заранее договорились разделить эту улицу. — Сюй Таньчэнь рассмеялся. — Каждый день я ездил сюда на велосипеде и наблюдал за их свиданиями. Иногда парень нес свою девушку на спине и бежал, а иногда они обнимались под фонарем. Каждый день это была новая сцена. Позже, когда уже почти закончился гаокао, и я столкнулся с ними в последний раз, парень из одной пары радостно поприветствовал меня.

Возможно, потому что перед ним был подросток, который переживал те годы старшей школы, которые когда-то пережил он сам, Сюй Таньчэнь не мог отделаться от сентиментальных чувств и вдруг вспомнил интересные события тех лет. И Чжэ слушал его смех и, улыбаясь, спросил:

— Что он сказал?

Сюй Таньчэнь сделал свой голос более грубым и имитировал тон молодого человека того времени:

— Брат! Ты так долго трудился! Удачи тебе на гаокао!

И Чжэ издал смешок.

Сюй Таньчэнь снял капюшон и обернулся, чтобы посмотреть на него с любопытством.

— В чем дело? — И Чжэ не понимал.

— Ничего. Оказывается, у тебя такая низкая планка для шуток?

И Чжэ рассмеялся и ничего не сказал. Он представлял себе, как Сюй Таньчэнь выглядел в те времена. Когда он думал об этом, ему казалось, что старший товарищ, который проезжал по этой улочке на велосипеде, и каждый день видел влюбленные парочки, ответил на приветствие того парня, был очень милым.

Сюй Таньчэнь также не знал, почему И Чжэ улыбается, но, глядя на него, ему тоже захотелось улыбнуться. Он натянул капюшон, еще плотнее закутавшись.

В последующие три дня И Чжэ каждый день тащил свое изможденное после битвы тело по этой улице. Иногда он пробегал по ней и слушал, как ветер играет аккорды в его ушах. Иногда он не торопился, поворачивал и выбирал другие пути, чтобы проходить разные участки улицы. Независимо от того, быстро он шел или медленно, он всегда вспоминал Сюй Таньчэня, который когда-то сидел в его объятиях, проезжая с ним по этой улице.

Много лет спустя он иногда слышал, как кто-то произносил фразу «Как прекрасна сегодня луна», и перед его глазами внезапно возникала картина – именно этот момент, изгиб луны в ту ночь.

Уличные фонари тогда были красивыми, как и новая луна. Свет в танце прыгал вокруг и поднимался по кончикам пальцев Сюй Танчэня, наполняя глаза И Чжэ сиянием той ночи, не похожей ни на какую другую.

И когда он вспоминал те чудесные времена, ветер и снег, покрывавшие его тело, таяли в тепле, оставляя сладкое послевкусие.

<http://bllate.org/book/13101/1158654>